

Missis Stranger

Любовь

НА ПРЕДЕЛЬНОЙ СКОРОСТИ

Missis Stranger Любовь на предельной скорости

<https://litres.ru/74584873>

Аннотация

Валерия Соколова верила, что контроль — это единственный способ выжить после предательства.

Станислав Быстров считал, что только участвуя в гонках можно почувствовать себя живым.

Она преподаватель, он студент. Их встреча должна была закончиться отчислением. Вместо этого она стала началом падения.

Потому что иногда она приходит не вовремя.

Опасная. Неотвратимая.

Запретная любовь на предельной скорости.

Содержание

Пролог	4
1.	10
Визуал главного героя	16
Визуал	18
2.	20
Визуал главной героини	27
3.	30
4.	36
5.	45
6.	52
7.	59
8.	67
9.	74
10.	82
11.	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Пролог

Ночь пахла бензином, горелой резиной и свободой — резкой, почти металлической на языке, как будто воздух сам по себе стал проводником под напряжением.

Станислав Быстров, известный всем под кличкой «Вихрь», выжал газ до отказа. Чёрный кастомный Kawasaki Ninja ZX-14R взревел, словно зверь, которого наконец спустили с цепи. Спидометр уже показывал 178 км/ч, и цифры продолжали расти, дрожа на панели, будто сами боялись той черты, за которую их толкали.

Ветер бил в грудь даже сквозь плотный кожаный комбинезон и шлем, холодный и тяжёлый, как будто кто-то невидимый давил ладонью, пытаясь оттолкнуть назад. Перед глазами мелькали размытые огни промышленной зоны на окраине города — жёлтые, белые, красные. Всё сливалось в одну огненную ленту, которая тянулась по краям зрения и исчезала, оставляя только ощущение полёта. Двигатель под ним пульсировал, передавая вибрацию через раму прямо в кости, в зубы, в кончики пальцев, сжимавших руль.

— Давай, малышка, — прошептал Стас, обращаясь к мотоциклу. Голос утонул в шлеме, но он всё равно сказал это

вслух, как всегда, когда нужно было услышать хоть что-то своё среди рёва. — Ещё чуть-чуть. Не подведи меня сегодня.

Он шёл вторым в этой гонке. Впереди, всего в тридцати метрах, сверкал красный Yamaha R1 Артема "Ржавого" — главного конкурента и давнего врага. Между ними было слишком мало пространства и слишком много ненависти, накопленной за годы мелких стычек, споров из-за денег, девчонок и просто потому, что оба считали себя королями этой трассы. Стас чувствовал, как Ржа пытается оторваться, но ZX-14R тянул мощнее на верхах, тяжёлый, но уверенный зверь, который не прощал ошибок.

Трасса была нелегальной — заброшенная федеральная дорога за чертой города, перекрытая на ночь своими же людьми. Никаких правил. Только скорость, деньги и гордость, которая жгла внутри сильнее любого топлива. Стасу было двадцать три. Для большинства это возраст, когда ещё можно ошибаться без последствий. Для него — возраст, когда уже поздно останавливаться, потому что остановка означала бы вернуться к тому, от чего он убегал каждый раз, выкручивая ручку газа.

В зеркалах заднего вида мелькали фары преследователей — яркие точки, которые то приближались, то отставали, в зависимости от того, кто лучше держал траекторию в пово-

ротах. Двигатель ревел так, что внутри черепа вибрировало, будто кто-то бил молотом по вискам в такт поршням. Сердце стучало в унисон, быстрое, злое, и адреналин бил в кровь мощнее любого наркотика, который он пробовал в юности и бросил, потому что ничто не давало такого чистого, острого кайфа, как это.

Он вспомнил, как в шестнадцать угнал первый мотоцикл — старый, ржавый «Урал», который едва тянул, но даже на нём Стас почувствовал, как мир сжимается до одной прямой линии. Как отец в тот вечер в очередной раз напился и сказал, не глядя в глаза: «Из тебя всё равно ничего не выйдет, щенок. Кончишь, как я, под забором». Тогда Стас впервые разогнался до 160 на чьем-то чужом спортбайке и понял: на такой скорости голоса в голове затихают. Они просто не успевают догнать.

Сейчас они снова кричали, громче обычного.
«Ты никто.

Просто пацан на дорогой игрушке, которую скоро разобьёшь, как всё остальное в своей жизни».

— Заткнитесь, — процедил он сквозь зубы, и резко ушёл влево, обгоняя Ржавого по внешнему радиусу поворота. Мотоцикл накренился так сильно, что колено почти коснулось

асфальта, чувствуя жар от трения через кожу комбинезона. Шины завизжали, коротко и пронзительно, как будто жаловались.

На секунду показалось — сейчас ляжет, и всё закончится здесь, в этом повороте, под визг тормозов и мат друзей по рации. Но Вихрь удержал. Ржа остался позади, его красный хвостовой фонарь мигнул раздражённо, словно он выругался в шлем.

200.

205.

210.

Цифры на приборной панели горели красным, пульсируя в такт с пульсом в висках. В этот момент он почувствовал её — ту самую грань, за которой уже не ты управляешь скоростью, а она управляет тобой. Это было почти сексуально. Как женщина, которую хочется взять жёстко и до конца, без нежностей, без обещаний, просто отдаться тому, что сильнее тебя. Тело напряглось, мышцы в ногах и руках горели от усилий держать байк в повиновении, а внутри разливалось странное, тёплое удовлетворение — смесь страха и восторга, от которого перехватывало дыхание.

Стас улыбнулся под шлемом, чувствуя, как пот стекает по виску, несмотря на ветер.

А потом всё случилось за доли секунды.

Из темноты на дорогу выскочила чья-то фара. Не участник гонки. Обычный гражданский, который решил срезать путь через закрытую трассу, не зная или не желая знать, что здесь сегодня правят другие законы.

Стас увидел только яркий свет и силуэт легковушки, внезапно выросший перед ним, как стена. Реакция была быстрее мысли — тело само вспомнило тысячи часов, проведённых на трассе и в гараже, когда он разбирал и собирал мотоциклы до дрожи в пальцах.

Он вывернул руль вправо, одновременно тормозя задним колесом. Мотоцикл занесло. Мир превратился в карусель из огней и асфальта. Он пытался выровнять, но на такой скорости это было невозможно — инерция тянула вперёд и вбок одновременно, как будто байк решил жить своей жизнью.

Удар.

Металл о металл. Скрежет. Полёт.

Время растянулось.

Он видел, как его байк кувыркается в воздухе отдельно от него. Видел искры, высекаемые из асфальта. Видел небо, перевернувшееся вверх ногами. Видел лицо отца из детства —

пьяное и злое, с той же усмешкой, которую Стас ненавидел больше всего на свете.

А потом — только боль и темнота.

1.

Утро начиналось всегда одинаково.

В 6:15 будильник на телефоне издавал короткий, сухой сигнал — не мелодию, а именно сигнал, как в больничном коридоре.

Лера не позволяла себе ни одной лишней секунды в постели. Она садилась ровно, ноги на пол, спина прямая, и первое, что делала, — открывала приложение с трекером привычек.

Галочка напротив «подъём».

Галочка напротив «пить воду 500 мл».

Всё остальное — только после.

Квартира на седьмом этаже в новом доме у реки была вылизана до блеска. Ни одной пылинки на подоконнике, ни одной чашки в раковине. Белые стены, минималистичные полки, где стояли только книги по философии и несколько томов по этике — те, что она сама редактировала для издательства. Ни фотографий, ни сувениров, ни даже магнита на холодильнике. Всё, что напоминало о прошлом, было упаковано в коробку и отправлено в подвал ещё два года назад, в

день развода.

Она подошла к окну. За стеклом река блестела под утренним солнцем, как полированный металл. Лера любила этот вид именно за его предсказуемость: вода текла в одном направлении, всегда. Никаких неожиданных поворотов. Она сделала глоток воды из стакана, который приготовила вечером, и направилась в ванную.

Душ — ровно семь минут. Температура 38 градусов.

Ни горячее, ни холоднее.

Мыло без запаха, шампунь без отдушек.

Она не терпела ничего, что могло бы вызвать внезапный всплеск ощущений. После душа — крем для тела, наносимый строго по часовой стрелке, начиная с левой руки.

Затем — одежда. Сегодня: тёмно-синяя юбка-карандаш до колена, белая блузка с высоким воротом, жакет в тон. Туфли на низком каблуке, потому что в аудитории не место для того, чтобы кто-то обращал внимание на её ноги. Волосы собраны в тугий пучок, ни одной выбившейся пряди. Макияж — минимальный: тон, тушь, бесцветный бальзам для губ. Готово.

На кухне кофе. Только чёрный, без сахара, без молока. Она пила его стоя, глядя на часы. 7:28.

В 7:35 — выход из дома.

В 7:52 — вход в метро.

В 8:17 — она уже в кабинете кафедры.

Ни секунды опоздания.

Никогда.

За окном начинался обычный апрельский день. Лёгкий ветер шевелил голые ветки деревьев у реки. Лера поставила чашку в посудомоечную машину, протёрла стол одноразовой салфеткой и вышла. Дверь закрылась с мягким щелчком. Замок щёлкнул дважды — она всегда проверяла.

В метро она стояла, держась за поручень, и читала статью в научном журнале на телефоне. Тема — «Этика самоконтроля в эпоху цифровой импульсивности».

Она сама писала рецензию на эту статью месяц назад. Слова ложились ровно, как её собственная жизнь: чётко, без лишних эмоций. Студенты в вагоне громко смеялись над

чем-то в телефоне. Лера даже не подняла глаз. Их смех был для неё просто фоновым шумом — как дождь за окном.

В университет она вошла через боковой вход для преподавателей. Охранник кивнул, как всегда.

— Доброе утро, Валерия Андреевна.

Она ответила коротко:

— Доброе.

Никаких разговоров о погоде, о выходных, о здоровье. Она не поощряла фамильярности.

Кабинет на третьем этаже был таким же стерильным, как квартира. Стол, два стула для посетителей, полка с методичками. На столе — только ноутбук, папка с сегодняшними конспектами и стакан с водой. Она включила компьютер, открыла расписание. Первая пара — философия для третьего курса юридического. Тема: «Свобода воли и детерминизм». Она знала материал наизусть, но всё равно перечитала план лекции. Ни одной импровизации.

Импровизация — это потеря контроля.

В 8:50 она вышла в коридор. Студенты уже собирались у

аудитории. Когда она появилась, разговоры стихли мгновенно. Кто-то опустил глаза, кто-то выпрямил спину. Лера это замечала, но никогда не комментировала. Она просто открыла дверь и вошла. Студенты потянулись следом.

— Доброе утро, — сказала она, не повышая голоса. — Садитесь.

Они сели. Тишина была почти идеальной. Только шорох тетрадей и скрип стульев. Лера встала за кафедру, включила проектор. Слайд первый: Кант, «Критика чистого разума». Она начала говорить. Голос ровный, чёткий, без лишних пауз. Она объясняла категорический императив так, словно читала инструкцию к микроволновке: шаг за шагом, без эмоций.

— Свобода воли, — произнесла она на середине лекции, — не означает вседозволенность. Она требует дисциплины. Иначе это не свобода, а хаос.

Кто-то в заднем ряду кашлянул. Лера остановилась на секунду и посмотрела прямо на него. Парень покраснел и уткнулся в тетрадь. Никто не поднял руку. Никто не задал вопрос. Так было всегда на её парах. Студенты боялись не получить «отлично» — они боялись её взгляда. Она знала это и не пыталась изменить.

Пусть боятся.

Страх — тоже форма порядка.

Визуал главного героя

Станислав Быстров («Вихрь»)

Возраст: 23 года

Адреналинозависимый.

Бунтарь.

Визуал

Артём «Ржавый»

Возраст: 25 лет

Амбициозный и дерзкий.

2.

Стас очнулся от запаха больницы.

Белый потолок. Капельница. Треск монитора.

Голова гудела, как после трёхдневного запоя. Правая нога была в лангете, рёбра горели при каждом вдохе. Во рту — привкус крови.

— Очнулся, герой, — раздался хриплый голос сбоку.

Стас медленно повернул голову. Рядом сидел его друг Денис Котов. В руках — банка энергетика.

— Ты сколько там летал, Вихрь? Секунды три? Красиво было. Как в кино.

— Байк... — голос Стаса был хриплым, чужим.

— В хлам. Но ты живой, и то счастье. Тебе повезло, что тот мужик на легковушке тоже выжил. Иначе бы сейчас не со мной разговаривал, а с ментами.

Стас закрыл глаза.

Перед внутренним взором снова вспыхнула цифра — 225. И то странное, почти эйфорическое чувство на пике скорости. Чувство, будто ты можешь всё. Будто весь мир подчиняется тебе.

— Сколько я здесь? — спросил он.

— Вторые сутки. Тебя уже весь район обсуждает. Говорят, в этот раз ты реально мог не выжить.

Стас скривил разбитые губы, хотя это причинило боль.

— Значит, плохо меня знают. Я всегда выживаю. У меня как у кота девять жизней.

— Эй, это моё погоняло, — усмехнулся Денис. — У меня есть патент.

Стас попытался сесть. Тело протестовало, но он заставил себя. В зеркале на противоположной стене увидел своё отражение: разбитая губа, огромный синяк под глазом, свежие швы на скуле.

Красивый получился полёт.

— Когда меня выпустят отсюда? — обратился он к другу.

— Через пару дней. Говорят, ты родился в рубашке. Се-

рьёзных повреждений нет.

— Ты можешь помочь мне достать такой же байк?

— Слушай, может, тебе повременить пока с гонками? — Денис понизил голос. — В универе уже все в курсе. Они собирают комиссию и требуют твоего отчисления. Типа, пример показательный нужен.

Стас провёл языком по разбитой губе и тихо, почти шёпотом, сказал:

— Пусть попробуют. Они уже не раз пытались.

Денис что-то ещё говорил, но Стас уже его не слушал.

Он снова окунулся в воспоминания. В последнее время он часто думал о прошлом.

Всё началось в шестнадцать.

Тот первый байк был древним «Уралом», который он выменял у дяди Серёги на старый игровой ноутбук и бутылку дешёвого коньяка. Дядя тогда сказал: «Сдохнет через неделю, пацан». Байк сдох через четыре дня. Но за эти четыре дня Стас успел понять главное: когда ты на двух колёсах и газ в пол, внутри перестаёт ныть то, что обычно грызёт тебя

изнутри.

Дом, в котором он вырос, стоял на окраине, в районе, где даже таксисты отказывались ехать после десяти вечера. Отец пил. Не «иногда», а постоянно, методично, как будто это была его основная работа. Мать сначала кричала, потом плакала, потом просто молчала. К пятнадцати годам Стас уже знал все стадии этого цикла наизусть. Он научился уходить из дома до того, как отец начинал искать виноватых.

Первый раз он по-настоящему разогнался на том «Урале» по ночной трассе за городом. Двести десять на спидометре, который давно врал. Ветер бил в грудь так, что дыхание сбивалось. Он кричал под шлемом — не от страха, а от того, что наконец-то почувствовал, как кровь бежит по венам по-настоящему. Когда вернулся домой под утро, отец уже спал, уткнувшись лицом в стол. Мать сидела на кухне и курила. Посмотрела на него красными глазами и только сказала:

— Ты тоже хочешь сдохнуть, как он?

Стас тогда ничего не ответил. Просто прошёл мимо, закрылся в своей комнате и лёг на кровать в куртке. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле.

После этого он начал пропадать ночами. Нашёл ребят, ко-

которые гоняли на старых японцах. Потом — на более свежих. Потом кто-то дал ему попробовать настоящий спортбайк. И всё. Тормоза внутри сломались окончательно.

В семнадцать он уже участвовал в первых серьёзных гонках. Не тех, где за деньги, а тех, где за уважение. За право сказать: «Я не ссу».

Он падал.

Дважды ломал ключицу. Один раз разбил лицо так, что швы накладывали без анестезии — просто потому что врач был в бешенстве. Каждый раз, когда его собирали по кускам, он думал об одном: следующий раз будет быстрее.

В восемнадцать поступил в этот университет — на заочку, потому что мать умоляла «хоть какое-то образование». Проучился полтора года. Потом угроза отчисления. Не за прогулы даже, а за то, что на одной из сессий пришёл с разбитой губой и в кожанке, от которой пахло бензином и ночной трассой.

Заведующий кафедрой тогда посмотрел на него как на таракана и сказал: «Такие, как вы, здесь не задерживаются».

Он тогда рассмеялся ему в лицо. И за пару дней сдал все хвосты и вот опять.

— В этот раз всё серьёзно, — продолжал бубнить Денис, — там какая-то строгая тётка из комиссии. Фамилия Соколова. Говорят, она тебя лично порвать хочет.

Стас медленно повернул голову.

— Соколова?

— Ага. Преподавательница философии или этики, хрен разберёт.

Стас ухмыльнулся:

— Симпатичная?

— Лет тридцать, красивая, но ледяная. Студенты её боятся больше, чем сессии, и называют Соколихой. Это не баба, а терминатор в юбке. Ни одной человеческой эмоции.

Стас посмотрел в окно. За стеклом уже темнело. Где-то там, в ночном городе, снова начиналась жизнь. Скорость. Адреналин. Свобода.

— Плевать. Лишь бы мать не дёргали, ей сейчас нельзя нервничать. Разберусь и с терминаторшей этой. Не собираюсь прятаться по углам как крыса.

Гонки — это моя жизнь. Достань мне байк.

Визуал главной героини

Валерия Андреевна Соколова

Возраст: 30 лет

Профессия: Преподаватель философии и этики в университете.

Успешная, уважаемая, но эмоционально изолированная женщина. Имеет определённый авторитет среди студентов и коллег.

Помешана на контроле.

ВНИМАНИЕ: Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми, живыми или мёртвыми, случайны

3.

Лера сидела на краю кровати в полной темноте. Часы на прикроватной тумбочке показывали 23:47. Она уже два часа пыталась уснуть, но сон не шёл. Вместо него в голове крутился один и тот же вечер, как старая, поцарапанная пленка, с выцветшими кадрами.

Она встала, накинула тонкий халат и прошла на кухню. Свет не включала. Лунный свет падал через окно и ложился на белые стены длинными серебристыми полосами. Лера налила себе стакан холодной воды и села за стол. Пальцы обхватили стекло так крепко, что костяшки побелели.

Алексей.

Его имя она не произносила вслух уже больше года. Даже мысленно старалась обходить. Но сегодня оно само всплыло в памяти.

Она закрыла глаза и увидела его таким, каким он был в первый год их брака. Высокий, уверенный, с той лёгкой улыбкой человека, который точно знает, что мир устроен правильно и в его пользу.

Он работал в областной администрации, быстро рос по карьерной лестнице. «Будущий заместитель министра», — шутили его коллеги. Лера тогда ещё смеялась вместе с ними.

Она была на седьмом небе от счастья: красивая свадьба, новая квартира в центре, поездки за границу. Всё выглядело идеально.

А потом начали появляться трещины.

Сначала мелкие. Он стал задерживаться на работе. Потом — «командировки», после которых от него пахло чужими духами и сигаретами с ментолом. Лера замечала, но молчала.

Она убеждала себя, что это нормально, что у успешных мужчин всегда есть «своя жизнь». Она продолжала вести идеальный дом: ужин к его приходу, свежие рубашки, улыбка на лице. Она читала книги по психологии семьи, пыталась быть «лучшей версией себя».

Однажды она нашла первое сообщение. Девушка по имени Кристина писала: «Когда ты снова приедешь ко мне? Мне так не хватает твоих рук». Лера тогда сидела в ванной на полу и плакала так тихо, что сама себя едва слышала.

Когда Алексей вернулся домой, она ничего не сказала.

Просто поставила перед ним тарелку с ужином и спросила, как прошёл день.

Ведь идеальные жёны не устраивают скандалы мужьям.

Он улыбнулся той самой улыбкой и ответил: «Отлично. А у тебя?»

Она кивнула. «Хорошо».

Так продолжалось почти три года.

Самый тяжёлый удар случился в их четвёртую годовщину свадьбы. Лера приготовила ужин при свечах, надела то самое чёрное платье, которое он когда-то называл «убийственным». Алексей пришёл в половине двенадцатого. Уже пьяный. Сел за стол, посмотрел на неё мутными глазами и сказал:

— Лер, ну хватит уже эту комедию играть. Ты же видишь, что я не люблю тебя давно.

Она замерла с бокалом в руке.

— Что?

— Ты скучная. Правильная до тошноты. С тобой как с учебником по этике — всё по пунктам, всё правильно, а жить невозможно. Мне нужна женщина, а не ходячий свод правил.

Он засмеялся. Громко, зло. Потом добавил:

— И да, я сплю с другими. Уже два года. Иногда с двумя сразу. Тебе легче теперь?

Лера тогда не закричала. Не бросила в него ничем, не била посуду. Она просто поставила бокал на стол, встала и вышла из комнаты.

В спальне она сняла платье, аккуратно повесила его в шкаф и легла в постель. Всю ночь она лежала с открытыми глазами и слушала, как он храпит в гостиной на диване.

На следующий день она подала заявление на развод.

Раздел имущества прошёл тяжело. Алексей пытался оставить себе квартиру, угрожал, что «сделает её жизнь невыносимой». Лера не спорила.

Она отдала ему почти всё — только бы это всё побыстрее закончилось. Взяла себе только книги, одежду и старый ноутбук. Сняла эту маленькую квартиру у реки и начала заново.

Теперь, сидя на кухне в темноте, Лера провела пальцем по краю стакана. Воспоминания не болели уже так остро, как раньше. Они просто ныли — тупо, постоянно, как старая рана перед дождём.

Она вспомнила, как после развода впервые попробовала «расслабиться». Пошла с подругой в бар. Выпила два коктейля. Какой-то мужчина пытался за ней ухаживать.

Она улыбнулась ему, но когда он положил руку ей на талию, внутри всё сжалось от отвращения. Она сбежала домой и сразу забралась в душ.

Тогда она терла себя мочалкой так, словно пыталась содрать с себя чужие прикосновения вместе с кожей. Но вода была не в состоянии смыть то тошнотворное ощущение грязи, что осталось внутри.

С тех пор она больше не пыталась сблизиться с кем-то, с головой окунувшись в работу.

Лера допила воду, поставила стакан в раковину и несколько секунд стояла, слушая, как капля с крана падает с интервалом в три секунды.

Она вытерла руки о халат, хотя они и так были сухими. Потом вернулась в спальню, сняла халат, легла и натянула одеяло до груди.

В темноте перед глазами всё ещё мелькало лицо Алексея

— не злое, не пьяное, а просто равнодушное. То самое, с которым он когда-то сказал ей правду за праздничным столом.

Лера лежала неподвижно. Сердце билось ровно, почти лениво. Ни злости, ни слёз. Только лёгкое ощущение, будто внутри неё кто-то давно выключил все эмоции.

4.

Когда после лекции Лера вернулась в кабинет, на столе лежала записка от секретаря деканата:

«Валерия Андреевна, напоминаем, что в пятницу заседание дисциплинарной комиссии в 14:00. Станислав Быстров, 4 курс».

Она прочитала имя и отложила записку. Ничего особенного. Ещё один студент, который решил, что правила существуют не для него. Она знала таких. Их было много. И каждый раз она делала одно и то же: ставила оценку, которую они заслуживали. Без скидок.

В 12:30 она вышла в столовую. Обед — строго по расписанию. Салат, куриная грудка на пару, гречка, стакан воды. Она ела медленно, пережёвывая каждый кусок по двадцать раз.

Рядом за столиком сидели две преподавательницы с филфака. Они обсуждали чей-то развод. Громко, с деталями. Лера не слушала. Она смотрела в окно, на кампус. Деревья уже начинали зеленеть. Скоро май. Ещё один год пройдёт точно так же, как и предыдущий.

После обеда она вернулась в кабинет и подготовила материалы к комиссии. Досье Быстрова лежало в папке. Она открыла его. Фотография: молодой парень, короткие тёмные волосы, дерзкий взгляд. Ссадины на скуле — видимо, от последней аварии.

Оценки — ниже среднего. Пропуски. Жалобы от преподавателей. «Нарушение дисциплины». «Неуважительное поведение». Она прочитала всё внимательно. Студент-хулиган. Типичный случай. Она уже знала, что скажет на комиссии: рекомендовать отчисление.

Правила есть правила.

В 16:50 она встала, поправила жакет и вышла в коридор. Каблуки стучали по плитке ровно, как метроном. Она шла по коридору, и студенты расступались. Кто-то шепнул: «Сокколова идёт».

Она не обернулась.

Домой она вернулась в 18:07. Ужин — лосось на пару, брокколи, рис. Она ела, глядя в телефон. Новости. Погода. Ничего личного.

В 21:30 — душ.

Но сегодня привычная система дала сбой. Вместо того чтобы лечь в постель, Лера зачем-то пошла на кухню. Причём она сама не знала зачем. Попить воды? Но пить вроде не хотелось. Ей больше ничего не хотелось.

Она действовала скорее по инерции, по привычке, по строго встроенному плану, а не потому что чего-то хотела и к чему-то стремилась. Она больше не чувствовала себя живой.

Телефон лежал на столе. Экран был чёрным. Лера смотрела на него долго. Потом всё-таки взяла и набрала номер.

Подруга ответила после третьего гудка. Голос сонный, но тёплый.

— Лер? Ты в порядке? Уже почти полночь.

— Привет, Маша. Извини, что поздно.

— Да ладно. Что случилось?

Лера помолчала. Она не знала, с чего начать. Обычно они говорили о работе, о студентах, о новых книгах. О личном — почти никогда.

Лера сделала глоток воды. стакан был уже почти пуст.

— Я сегодня вспомнила Алексея. По-настоящему. Не так, как обычно — мельком, а подробно. До тошноты подробно.

На том конце провода стало тихо.

— Ох, Лер... — протянула Маша. — Опять?

— Не «опять». Просто... накатило. Сажу вот на кухне в темноте и думаю: как я могла столько лет не замечать, что живу с чужим человеком?

Маша вздохнула.

— Потому что ты всегда старалась быть хорошей. Идеальной женой. Идеальной дочерью. Идеальной преподавательницей. Ты же у нас мастер контроля.

Воспоминание снова пришло внезапно, как всегда — без предупреждения. Лера увидела лицо бывшего мужа как наяву.

Он стоял в их старой квартире, в галстук, который она сама ему выбирала, и улыбался той самой улыбкой, от которой когда-то таяло всё внутри. «Лер, ну что ты как неживая? Расслабься».

Тогда она ещё пыталась. Пыталась быть «живой». Покупала кружевное бельё, которое он никогда не замечал. Гото-

вила ужины, которые он съедал молча, уткнувшись в телефон. А потом приходили сообщения. От другой. От третьей. От пятой.

Теперь, сидя на кухне, она чувствовала знакомый холод в груди. Не боль — холод. Как будто внутри поставили металлическую пластину.

Лера невесело усмехнулась.

— Да. Мастер. Только вот контроль не спасает от того, что тебя считают скучной и правильной до тошноты.

— Он был мудаком, Лера. Ты это знаешь. Все это знают. Он изменял тебе с первого года. Просто ты не хотела видеть.

— Я видела. Просто... думала, что если буду ещё лучше, ещё правильнее, он оценит.

Маша фыркнула.

— Оценил. Назвал тебя учебником по этике. Красиво, ничего не скажешь.

Лера поставила стакан на стол. Звук получился слишком громким в ночной тишине.

— Знаешь, что самое страшное? — тихо сказала она. — Я иногда думаю, что он был прав. Что я действительно скуч-

ная. Что во мне нет... огня. Нет того, от чего у мужчин глаза загораются.

— Бред, — жёстко ответила Маша. — Ты просто закрылась после него. Как устрица. Нормальная реакция. Но это не значит, что внутри ничего нет. Просто ты сама себе запретила это показывать.

Лера провела ладонью по гладкой поверхности стола.

— Иногда мне хочется... — она замолчала.

— Чего хочется? — мягко спросила Маша.

— Хочется почувствовать что-то настоящее. Не по расписанию. Не под контролем. Чтобы внутри всё дрожало. Чтобы сердце колотилось так, что кажется — сейчас выскочит. Чтобы хоть раз в жизни потерять голову.

Маша помолчала.

— Лер, ты же сама преподаёшь этику. Ты лучше всех знаешь, чем заканчиваются такие «потери головы».

— Знаю, — ответила Лера. — Но иногда... иногда мне кажется, что лучше один раз сгореть, чем всю жизнь медленно угасать в своей идеальной квартире.

Подруга тихо засмеялась.

— Ого. Философский кризис в половине первого ночи. Ты точно в порядке?

— Не знаю, — честно сказала Лера.

— Лера, послушай меня. Ты имеешь право на чувства. Даже на неправильные. Даже на опасные. Ты не обязана всю жизнь быть идеальной Валерией Андреевной. Иногда можно просто быть Лерой. Живой. Сбитой с толку. Даже испуганной.

Лера закрыла глаза.

— Я боюсь, Маш. Боюсь, что если я хоть чуть-чуть ослаблю контроль, всё рухнет. Как тогда с Алексеем.

— С Алексеем рухнуло потому, что ты строила не свою жизнь, а ту, которую он хотел видеть. А теперь ты строишь свою. И если внутри что-то шевелится — это не катастрофа. Это признак того, что ты ещё живая.

Лера улыбнулась в темноте. Улыбка получилась грустной.

— Спасибо. Правда. Я просто... устала быть одна в этой тишине.

— Тогда перестань быть одна. Хотя бы иногда выходи из

своей крепости. Давай сходим в пятницу куда-нибудь разве-
ешься.

Лера уже пожалела, что позвонила подруге. Каждый их разговор заканчивался одинаково.

— Я не могу в пятницу. У нас заседание дисциплинарной комиссии.

— Опять?

— Да, очередной нарушитель
дисциплины, — Лера вздохнула.

— Но не на всю же ночь, Лер? — осторожно спросила Маша. — Ты каждый раз придумываешь всё новые и новые отговорки, чтоб никуда не идти.

— Не знаю. Может быть. Я просто ещё не готова.

Маша хмыкнула.

— Лер, два года прошло. Чтоб что-то изменить, нужно действовать и вылезти из скорлупы. Я не заставляю сразу спать с кем-то и вступать в отношения, но хотя бы кофе с кем-нибудь выпить вне университета можно же?

— Посмотрим, — сказала Лера.

Они поговорили ещё минут десять. О пустяках. О новой книге, которую Маша читала. О том, что весна наконец-то пришла по-настоящему. Когда разговор закончился, Лера положила телефон на стол и долго сидела неподвижно.

Потом встала, подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу.

За окном река блестела под луной. Вода текла спокойно, без рывков. Как и вся её жизнь последние два года.

Но внутри, где-то глубоко под рёбрами, впервые за два года что-то шевельнулось. Не боль. Не тепло. Просто лёгкое, почти незаметное движение — как будто в идеально ровной стене появилась первая микроскопическая трещина.

Лера закрыла глаза.

В пятницу в 14:00 — дисциплинарная комиссия.

Станислав Быстров.

Она не знала, почему это имя вдруг всплыло в голове.

И не хотела знать.

5.

Стас сидел на корточках в полутёмном гараже, закончив собирать свой новый мотоцикл, и смотрел, как капли масла медленно стекают с картера на бетонный пол. Его чёрный кастомный байк стоял перед ним, словно зверь, которого только что приручили, но который в любой момент может вспомнить, кто он на самом деле.

Он вытер руки тряпкой, которая когда-то была белой, и бросил её в угол. В гараже пахло бензином, резиной и старым металлом — запахом, который для него был роднее, чем запах материнских духов.

На стене висела старая фотография. Он сам в шестнадцать лет, худой, с синяком под глазом, сидит на том самом «Урале». Рядом — отец. Трезвый. Редкий кадр. Отец тогда сказал: «Не трись, сынок. Жизнь — она как дорога: нажал на тормоз — считай, уже проиграл.»

С тех пор он не тормозил никогда.

Через полгода после той фотографии отец умер. Печень. Стас не плакал на похоронах. Просто стоял и думал, что теперь некому больше орать по ночам. Мать через два года со-

шла с каким-то дальнобойщиком и уехала в другой город. С тех пор они почти не общались. Она звонила только когда ей что-то было нужно. Никогда не спрашивала, где он берёт деньги, которые отправляет ей, потому что не хотела знать.

Стас провёл пальцами по раме байка. Чёрный матовый цвет, который он сам перекрасил. Никаких наклеек, никаких надписей. Только один маленький стикер под сиденьем — белый череп с надписью «Лучше сгореть, чем ржаветь». Он сам его нарисовал маркером в семнадцать лет, ещё когда был «Урал». С тех пор он кочевал с ним с байка на байк. Это был его талисман.

Сейчас ему было двадцать три, но иногда казалось, что он прожил уже все сорок. Или вообще не жил — просто ехал.

Телефон завибрировал в кармане. Стас вытер руки и достал его. Номер незнакомый.

— Алло.

— Стас, это ты? — голос был женский, немного надтреснутый.

— Кто это?

— Тётя Света. Мамина подруга, помнишь? Из соседнего

подъезда.

Он помнил. Толстая тётка, которая всегда приносила им борщ, когда отец совсем расхотелся.

— Помню. Что случилось?

Женщина помолчала.

— Мама твоя... она в больнице. Опять. Почки. Врачи говорят — плохо. Просила тебе позвонить.

Стас посмотрел на байк. Тот стоял молча, словно ждал.

— Передай ей, что я приеду, когда смогу.

— Стас, она...

— Я сказал — когда смогу.

Он нажал отбой.

В гараже стало тихо. Только где-то за стеной капала вода из старой трубы.

Он сунул телефон обратно в карман и сел на байк. Не заводя, просто поставил ноги на подножки и обхватил руль. Представил ночь, трассу и скорость. Как всё внутри сжимается в одну тугую пружину, а потом — взрыв. И на несколько секунд ты не думаешь ни об отце, ни о матери, ни о том, что

тебя снова могут вышвырнуть из университета.

Только ветер и дорога.

Он завёл двигатель. Рёв заполнил гараж. Стас надел шлем, опустил визор и выкатил байк на улицу.

Вечер был холодным. Апрель ещё не решил, хочет ли он быть весной. Стас выехал на кольцевую и сразу нажал на газ. Стрелка спидометра поползла вверх. Сто шестьдесят. Сто восемьдесят. Двести.

Ветер бил в грудь. Шлем гудел. Где-то внутри, глубоко, всё ещё ныло то самое место, которое никогда не заживало. Но на скорости это становилось почти терпимым.

Он вспомнил, как в девятнадцать впервые по-настоящему выиграл гонку. Не просто пришёл первым — а сделал всех. После финиша к нему подошёл какой-то взрослый дядька в дорогой куртке и сказал:

— У тебя талант, пацан. Но талант без мозгов — это билет в один конец.

Стас тогда ответил:

— Значит, поеду в один конец. Зато быстро.

Дядька только покачал головой.

Сейчас, на двухстах двадцати, Стас думал о том, что, возможно, тот дядька был прав. Но признавать это он не собирался.

Телефон снова завибрировал. На этот раз в гарнитуре шлема. Стас ответил, не снижая скорости.

— Чё надо?

— Вихрь, это Кот. Завтра в десять на старом аэродроме. Большой заезд. Призовой фонд серьёзный. Приедут ребята из области.

— Буду.

— Тебя же в универе опять прессуют, типа комиссия какая-то.

— Пусть прессуют.

Кот хмыкнул.

— Ты бы поосторожнее. Если вылетишь — тебе вообще капец.

Стас ничего не ответил. Просто отключил связь и прибавил газу.

Двести тридцать. Двести сорок. Дорога летела под колёсами размытой серой лентой. Фары встречных машин превращались в длинные световые полосы.

Он думал о том, что завтра на комиссии будет сидеть та самая преподавательница, терминатор в юбке, как окрестили её студенты. Соколова. Валерия Андреевна. И решать его судьбу. Достоин он их престижного заведения или нет.

Стас усмехнулся под шлемом.

«Интересно, она сама хоть раз в жизни делала что-то, за что потом было стыдно или от чего адреналин зашкаливал в крови? Как они могут судить его, если не понимают?»

Он сбросил скорость только когда впереди показался съезд к гаражу. Заглушил мотор и несколько секунд просто сидел, слушая, как остывает двигатель.

В кармане снова завибрировал телефон. Сообщение от матери:

«Прости, что снова тебя беспокою. Врачи говорят — нужна операция. Деньги...»

Стас не дочитал. Убрал телефон.

Он закатил байк обратно в гараж, закрыл ворота и сел на

старый диван, который стоял в углу. Из-под сиденья байка он достал плоскую фляжку — ту самую, которую когда-то забрал у отца.

Открутил крышку, сделал один короткий глоток. Жидкость обожгла горло, но почти сразу растворилась в общем шуме внутри.

Это не выход. Он всегда это знал. Перед глазами всю жизнь стоял пример отца, который пытался таким образом сбежать от проблем. Стас не бегал. Он встречал их лицом к лицу и решал. По-своему. Любыми способами.

«Лучше сгореть на скорости, чем ржаветь на месте», — подумал он.

Это была не просто фраза. Это было всё, что у него осталось.

Он лёг на диван, не раздеваясь, и закрыл глаза. Завтра — комиссия. Завтра — возможно, последнее заседание перед отчислением. Завтра — та женщина с ледяным взглядом будет решать, имеет ли он право учиться.

Стас усмехнулся в темноте.
Пусть решает.

6.

Малый конференц-зал на четвёртом этаже всегда казался Лере слишком ярким. Белые стены, огромные окна без штор, длинный стол из светлого дуба — ни одной спасительной тени. Она пришла заранее, села на своё привычное место у окна и разложила перед собой идеальную линию: папка, ручка параллельно краю стола, блокнот на чистой странице.

Ректор вошёл последним. Следом — декан юридического факультета и двое старших преподавателей. Все ограничились короткими кивками.

— Начнём, — сказал ректор, когда все расселись. — Станислав Быстров, четвёртый курс. Валерия Андреевна, ваше заключение?

Лера подняла взгляд. Голос её был ровным и холодным: — Систематические пропуски, задолженности по трём предметам, низкая успеваемость. Последний инцидент — серьёзная авария на мотоцикле, которая попала в местные новости. Мы уже давали ему два шанса. Третий будет просто издевательством над правилами. Рекомендую отчисление.

Декан поправил очки.

— Может, всё-таки дадим парню последний шанс? Он вроде не дурак.

Лера медленно повернула голову и посмотрела на него тяжёлым, спокойным взглядом.

— Мы уже давали. Дважды. Каждый раз он воспринимал это как разрешение продолжать в том же духе. Университет — не приют для тех, кто считает дисциплину необязательной.

В этот момент дверь открылась.

В зал вошёл парень.

Чёрная худя, потёртые джинсы, свежая ссадина на скуле. Короткие тёмные волосы растрёпаны, будто он только что сорвал шлем. От него за несколько метров ощутимо пахло бензином, кожей и холодным уличным воздухом. Он остановился на пороге, обвёл взглядом комиссию и задержался на Лере.

Их глаза встретились.

На долю секунды внутри у неё что-то резко дёрнулось — будто по натянутой струне провели грубой ладонью. Жар. Короткий, неожиданный, почти злой. Лера мгновенно отвела взгляд и уставилась в свои записи. Сердце стукнуло громче обычного. Она ненавидела это ощущение.

— Присаживайтесь, Быстров, — сухо сказал ректор.

Стас сел напротив комиссии. Не развалился, но и не подобрался. Сидел свободно, чуть откинувшись назад, словно находился не на дисциплинарном разборе, а на скучной паре. Его взгляд снова вернулся к Лере — тяжёлый, спокойный, без тени смущения.

Ректор начал зачитывать нарушения. Лера слушала вполуха. Краем глаза она изучала парня: крепкие кисти рук, лёгкую щетину, уверенную осанку. Он не опускал глаз. Не ёрзал. Не пытался строить из себя жертву. Просто сидел и смотрел — прямо, настойчиво.

Когда очередь дошла до неё, Лера подняла голову.

— Станислав, вы понимаете, что университет не может бесконечно терпеть ваши нарушения?

Он перевел взгляд на неё. Его глаза были тёмно-карими, почти чёрными.

— Понимаю.

— Тогда почему продолжаете?

Стас слегка пожал плечами.

— Потому что ваши лекции не учат жить на двухстах со-

рока в час. А я именно так и живу.

В зале повисла тишина. Один из преподавателей кашлянул.

Лера не отвела глаз. Внутри что-то неприятно сжалось.

— Жизнь на скорости — это ваш личный выбор. Но пока вы студент этого университета, вы обязаны соблюдать правила. Или уйти.

Стас смотрел на неё несколько долгих секунд. В уголках его губ появилось едва заметное, опасное движение — не улыбка, а что-то более жёсткое.

— Уйти проще всего. Только я не собираюсь.

— Почему? — голос Леры остался ровным.

Стас помолчал, будто решал, стоит ли говорить правду до конца.

— Потому что здесь у меня есть шанс стать, кем-то больше чем просто парень, который однажды разобьётся на трассе. Даже если у меня это пока хреново получается.

Лера почувствовала, как пальцы сильнее сжали ручку. Ответ был слишком честным. Слишком прямым. Без привычной студенческой наглости или угодливости. И этот взгляд, которым он сопровождал слова, заставил её на секунду за-

быть, где она находится.

«Он не должен так на меня смотреть. Не имеет права».

Ректор кашлянул.

— Валерия Андреевна, ваше окончательное мнение?

Она сделала короткую паузу, собирая волю в кулак.

— Моё мнение не изменилось. Отчисление. Мы не можем рисковать репутацией университета ради одного студента, который считает себя выше правил.

Стас продолжал смотреть на неё. Не агрессивно. Просто тяжело. Как будто пытался увидеть то, что прячется за её идеальной причёской и ровным тоном.

Голосование разделилось поровну.

Ректор вздохнул.

— Что ж... мой голос решающий. Испытательный срок один месяц. Все задолженности закрыть до следующего заседания. В случае повторного нарушения — немедленное отчисление без права восстановления.

Стас встал первым. Кивнул комиссии коротко, почти небрежно. Но перед тем, как выйти, снова посмотрел на Леру — дольше, чем нужно. Его взгляд медленно скользнул по её лицу, по тугому пучку волос, по строгому воротнику блузки.

В нём было что-то опасное и... любопытное.

Дверь за ним захлопнулась.

Ректор собрал бумаги.

— Валерия Андреевна, вы как всегда принципиальны. Но, возможно, в этот раз стоило быть чуть мягче.

Лера закрыла папку с сухим щелчком.

— Мягкость здесь не поможет. Только дисциплина.

Она вышла из зала последней.

В коридоре было пусто. Только лёгкий запах бензина и кожи всё ещё висел в воздухе, словно отказывался исчезать.

Вернувшись в кабинет, Лера села за стол и открыла конспект по философии. Буквы расплывались перед глазами. Она пыталась сосредоточиться, но перед ней снова и снова вставал тот прямой, тяжёлый взгляд и низкий голос:

«...даже если у меня хреново получается».

Лера закрыла глаза на секунду.

Она поймала себя на том, что медленно проводит пальцем по краю папки — задумчиво, почти ласково. Точно так же, как ночью проводила пальцем по краю стакана с водой.

Идеальный порядок всё ещё держался.

Но теперь он требовал от неё заметно больше усилий, чем раньше.

Она открыла глаза, выпрямила спину и заставила себя вернуться к конспекту.

Но где-то глубоко, в самом дальнем углу сознания, Лера понимала: этот парень только что слегка качнул её тщательно выстроенный мир.

7.

Стас вышел из конференц-зала и хлопнул дверью сильнее, чем собирался. Звук прозвучал слишком резко в пустом коридоре. Он остановился, сунул руки в карманы худи и несколько секунд просто стоял, глядя в пол.

Испытательный срок. Один месяц.

Не вышвырнули. Пока.

Он коротко сплюнул сквозь зубы и пошёл к выходу. Кроссовки скрипели по плитке. В голове крутилась не комиссия и не этот долбаный испытательный срок. Крутилась она.

Валерия Андреевна Соколова.

Как она мгновенно отвела глаза, когда их взгляды встретились. Как сжала ручку так, что костяшки побелели. Как старалась говорить холодно и ровно, а голос всё равно предательски дрогнул. Он задел её. Своим пренебрежением к правилам.

Стас толкнул входную дверь и вышел на улицу. Холодный сырой воздух ударил в лицо. Он достал сигарету, прикурил и глубоко затянулся. Дым смешался с запахом мокрого асфальта и выхлопных газов.

«Терминатор в юбке», — подумал он и криво усмехнулся.

Но он был уверен, что это лишь маска. Тщательно продуманный образ, за которым она прячется от мира, как улитка в своей скорлупе.

Он сел на бетонный парапет у входа. Байк стоял неподалёку — чёрный, тяжёлый, ждал. Стас смотрел на него и думал.

«Интересно, сколько ей лет на самом деле? Тридцать? Тридцать два? Глаза мёртвые. Как у человека, который запретил себе жить и чувствовать».

Он вспомнил, как она смотрела на него, когда он сказал про двести сорок. На секунду в её глазах мелькнуло что-то настоящее. А потом она снова закрылась, как стальная дверь.

Стас затаился ещё раз и достал телефон. Написал Коту:
«На вечер всё в силе?»

Ответ пришёл почти сразу:

«Да. 22:00 начало. Как универ?»

«Расскажу при встрече. Передай им, пусть готовят бабки».

Он убрал телефон, встал и пошёл к байку. Завёл двигатель. Рёв разорвал тишину кампуса. Стас надел шлем, опустил визор. Он проехал мимо главного корпуса, мимо студентов, которые спешили на пары.

Когда университетские здания остались позади, он наконец выкрутил газ и впервые за день по-настоящему выдохнул.

Свобода.

Вечером, когда солнце уже село, он снова выкатил байк на улицу. Городские огни размазывались в длинные световые полосы, пока он мчался по кольцевой в сторону заброшенного аэродрома.

Там уже собирались свои — рёв моторов, вспышки фар, знакомые лица. Кот кивнул ему издалека, показывая, что всё готово. Стас остановился на стартовой линии, заглушил двигатель и снял шлем.

Адреналин уже начал потихоньку подниматься в крови. Он знал: через несколько минут всё снова станет простым и понятным. Только скорость, только трасса и только те, кто способен удержаться на ней.

Двигатель ZX-14R глухо урчал на холостых, готовый сорваться в любой момент. Рядом уже выстроились остальные участники: красный R1, чёрный Suzuki GSX-R, пара агрессивно тюнингованных Honda и ещё несколько неизвестных ему байков из области. Свет фар резал глаза, отбрасывая длинные тени на потрескавшийся бетон.

Кто-то из организаторов поднял руку с флагом. Музыка резко стихла. Наступила та самая тяжёлая, звенящая тишина, которая бывает только перед стартом.

Стас опустил визор. Мир сузился до полосы бетона впереди и красного флага в руке организатора. Двигатель под ним жил своей жизнью — вибрировал, рычал, требовал отпустить тормоза. Сердце уже стучало в висках в такт поршням.

Флаг резко пошёл вниз.

Стас выжал сцепление и газ одновременно.

Заднее колесо взвизгнуло, оставляя чёрный след на бетоне. Байк рванул вперёд.

На первой прямой он выкрутил газ до отказа. Стрелка спидометра рванула вверх — 140... 160... 180... 200...

Байк ревел под ним, передавая вибрацию прямо в кости. Стас наклонился ниже, сливаясь с машиной.

Первый серьёзный поворот он вошёл на 210. Колено почти коснулось асфальта, шины завизжали, байк накренился так, что казалось — ещё чуть-чуть и ляжет. Но Стас удержал.

Выровнял и сразу добавил газу. В зеркалах мелькнули фары двух соперников — красный Yamaha R1 и чёрный Suzuki. Они висели сзади, пытаясь догнать.

На прямой Стас снова выжал ручку. 230... 240... Красный R1 попытался обойти по внешнему радиусу следующего поворота. Стас увидел это в зеркале и резко ушёл внутрь, перекрыв траекторию.

Соперник вынужден был сбросить газ, чтобы не влететь в него. Стас усмехнулся под шлемом.

«Не сегодня, убудодок».

На длинной дуге он пошёл по внешнему радиусу, наклонив байк почти до предела. Колено ощутило жар асфальта сквозь комбинезон.

Сердце колотилось в унисон с двигателем. В этот момент всё исчезло: комиссия, Соколова, испытательный срок.

Остались только дорога, скорость и рёв.

На последнем повороте перед финишной прямой Suzuki попытался нырнуть внутрь. Стас заметил движение краем глаза и резко нажал на газ раньше, чем нужно. Байк рванул вперёд, оставив соперника позади. Передние колёса на мгновение оторвались от асфальта.

Финишная прямая.

Стас выжал газ до упора. 250... 255... Цифры на приборной панели дрожали. Красный R1 висел в полуметре сзади, пытаясь дотянуться, но ZX-14R тянул мощнее на верхах. Стас удерживал руль двумя руками, чувствуя, как байк начинает «плыть» от скорости.

Пересечение линии он прошёл первым.

Рёв двигателя смешался с криками и гудками. Стас сбросил газ, прошёл ещё метров триста и остановился у импровизированной финишной арки. Снял шлем. Адреналин всё ещё кипел в крови, руки слегка дрожали.

Кот подбежал первым, хлопнул по плечу:

— Ты псих конченный, Вихрь. На 255 пошёл — я думал, сейчас улетишь с трассы!

Стас стёр пот со лба и криво усмехнулся.

— Деньги где?

— Уже у меня. Держи.

Кот сунул ему пачку купюр. Стас небрежно засунул их в карман.

— Это надо отметить!

— Не сегодня. Я пас, — отрезал Стас. — Утром рано вставать. Хочу попасть на первую пару.

Кот присвистнул:

— Ты серьёзно? Решил вдруг в отличники записаться?

Стас только хмыкнул и завёл байк.

— Типа того. Бывай.

Он медленно поехал прочь от аэродрома. Сердце постепенно возвращалось в нормальный ритм.

Но мысли упорно возвращались к ней — к женщине, которая пыталась выглядеть холодной и неприступной.

А где-то под рёбрами, рядом с привычным голодом по скорости, теперь шевелилось что-то новое. Жадное. Тёмное. Любопытство.

И желание сорвать с неё всю эту шелуху — слой за слоем — и посмотреть, что же она так отчаянно прячет внутри.

Стас усмехнулся под шлемом и нажал на газ.

«Скоро увидимся, Валерия Андреевна».

8.

Аудитория была почти полной. Четвёртый курс юридического факультета. Лера вошла ровно в 9:00. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком, и разговоры стихли мгновенно, будто кто-то выключил звук. Студенты выпрямили спины, кто-то торопливо открыл тетрадь, кто-то уже смотрел в телефон, но делал это незаметно.

Она положила папку на кафедру, включила проектор.

— Здравствуйте. Тема сегодняшней лекции — «Свобода воли и моральная ответственность».

На экране появилась цитата Канта крупным шрифтом. Лера обвела взглядом зал, сделала короткую паузу и начала. Голос ровный, чёткий, привычно холодный.

Она говорила о различии между произволом и настоящей свободой, о том, как кантовский категорический императив требует дисциплины и подчинения моральному закону. Она знала этот материал наизусть. Но уже через минуту почувствовала лёгкий сдвиг в воздухе. Не шум. Не движение. Просто изменение плотности пространства.

Лера подняла глаза.

В дверях стоял Стас Быстров.

Он не стал красться и искать место в заднем ряду. Просто прошёл между рядами своей уверенной походкой и сел в первом ряду — прямо напротив кафедры. Место, которое всегда пустовало. Он откинулся на спинку стула, положил руки на колени и посмотрел на неё в упор.

Их взгляды снова встретились. Сердце Леры пропустило удар. Его прямой взгляд сбивал её с толку, в его присутствии она чувствовала себя неудобно. Хотя никогда не призналась бы в этом даже себе. Она ничем не выдала себя — просто резко поправила очки, хотя в этом не было необходимости.

— Быстров. Что вы здесь делаете? — голос прозвучал холоднее, чем обычно.

Студенты затихли.

Стас слегка наклонил голову. Глаза смотрели дерзко, словно он бросал ей вызов.

— Пришёл на пару, Валерия Андреевна. Разве вы не этого добивались на комиссии? Хотели, чтобы я начал учиться? Вот я здесь, — он развёл руками.

Голос низкий, спокойный, но в нём сквозила откровенная провокация. Ни капли смущения. Ни капли уважения к её

статусу.

Лера сжала край кафедры так, что костяшки побелели. Это единственное, что она себе позволила.

— Ваше рвение к учёбе похвально. Но вы опоздали на семь минут. Впредь приходите на мои пары вовремя. Иначе я вас не допущу до занятий — вы мешаете другим студентам слушать лекцию. Присаживайтесь, — произнесла она.

Слова прозвучали нелепо, потому что он уже сидел, и Лера впервые за долгое время почувствовала себя глупо. Она тут же разозлилась на себя.

Она не позволит какому-то студенту вывести себя из равновесия.

Она отвела взгляд к слайду и заставила себя продолжить: — ...поэтому Кант утверждал, что истинная свобода возможна только через подчинение моральному закону. Без этого остаётся лишь произвол, который...

Слова шли автоматически, но внутри всё смешалось. Она физически ощущала его присутствие: тяжёлый, немигающий взгляд, лёгкий запах кожи и бензина, который пробивался сквозь обычные ароматы вокруг.

На середине лекции Стас поднял руку.

Лера остановилась. В её аудиториях руки поднимали крайне редко. Студенты боялись.

— Да? — сказала она сухо.

— А если человек не хочет подчиняться никакому моральному закону? — спросил Стас низко и спокойно. — Если для него свобода — это когда он сам выбирает, где риск, а где безопасность? Когда он жмёт на газ, а не на тормоз?

В аудитории стало очень тихо. Несколько голов повернулись в его сторону.

Лера посмотрела ему прямо в глаза. Сердце стучало уже где-то в горле, но внешне она оставалась спокойной.

— Тогда такой человек сознательно выбирает произвол. А произвол всегда заканчивается разрушением. Себя или окружающих.

Стас не отвёл взгляд. В уголках его губ появилось едва заметное, опасное движение.

— Или настоящей жизнью. Не по расписанию. Не по чужим правилам. А по своим.

Несколько студентов тихо выдохнули. Лера почувствовала, как жар поднимается по шее к щекам. Она сглотнула.

«Он провоцирует. Специально. Он знает, что делает».

— Жизнь по расписанию — это не клетка, Быстров. Это

единственное, что отделяет порядок от хаоса, — ответила она, но голос уже чуть дрогнул.

Он слегка наклонился вперёд, не вставая со стула.

— А вы никогда не хотели посмотреть, что там, за вашим порядком, Валерия Андреевна? Хотя бы раз? Просто чтобы почувствовать, каково это — когда сердце колотится не от страха, а от выброса адреналина?

Лера сжала челюсти так сильно, что почувствовала лёгкую боль в висках. Голос стал тише, но твёрже, почти шёпотом:

— Моё желание никак не относится к теме лекции. Если вам не интересен Кант, можете покинуть аудиторию, — произнесла она.

«Держи себя в руках. Это всего лишь студент. Один из многих», — твердила она себе.

Студенты начали осторожно переглядываться между собой.

Стас смотрел на неё несколько долгих секунд. Без улыбки. Без ухмылки. Просто смотрел — тяжело, изучающе — и поднял руки в примирительном жесте.

— Прошу прощения. Продолжайте, Валерия Андреевна.

Лекция продолжилась, но уже не так гладко. Лера дважды

теряла нить и возвращалась назад.

Когда пара наконец закончилась, она сухо сказала «до следующей лекции» и начала собирать вещи. Студенты потянулись к выходу.

Стас встал одним из последних. Он подошёл к кафедре и остановился в двух шагах от неё.

Он стоял слишком близко, вторгаясь в её личное пространство, и смотрел сверху вниз. Лера отметила, какой хрупкой и крошечной она кажется рядом с ним. От него практически веяло опасностью и чем-то откровенно мужским, что вызывало у неё скрытый дискомфорт.

Но она не отступила, лишь сильнее вздёрнула подбородок.
— Что-то ещё, Быстров?

— Вы хорошо объясняете, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она. — Но вы сами не верите в то, что говорите.

Лера замерла. Сердце ударило сильно и резко, словно кто-то толкнул её изнутри.

— Вы слишком много себе позволяете.

Стас чуть прищурился.

— Просто наблюдение. У вас глаза горят, когда вы говорите про контроль. Но не так, как у человека, который его любит. А так, как у того, кто боится его потерять.

Он сделал шаг назад.

— До следующей лекции, Валерия Андреевна.

Стас развернулся и пошел к выходу.

Но когда он перед уходом посмотрел на неё в последний раз — медленно, снизу вверх, задержавшись на губах и воротнике блузки, — Лера почувствовала, как внутри поднимается волна жара и раздражения.

Да как он смеет?

Дверь захлопнулась, а Лера осталась стоять у кафедры, крепко сжимая папку, даже не замечая, как картон сминается в её руках.

9.

На следующий день Лера подходила к аудитории ровно в 8:59. Она всегда приходила за минуту до начала — ни раньше, ни позже.

Она мысленно прокручивала в голове первые фразы сегодняшней лекции и внезапно остановилась.

В дверях стоял Стас Быстров.

Он тоже пришёл вовремя. Сегодня на нём была чёрная рубашка и брюки.

Лера могла бы поклясться, что одежда новая и надел он её сегодня впервые.

Зачем?

Ей казалось, что Быстров из тех людей, которым глубоко плевать на то, как они выглядят.

Так зачем он наряжался? Для кого?

Закатанные рукава привлекали внимание к загорелой коже и крепким предплечьям. Его руки были именно такими, какими их рисуют в воображении, когда говорят «мужские руки»: сильные, с чётко проступающими венами, широкими ладонями и длинными пальцами.

В руках — ничего. Он не спешил заходить, просто стоял,

прислонившись плечом к косяку, и смотрел прямо на неё.

Лера шагнула ближе, и они оба оказались в узком дверном проёме.

На долю секунды оба замерли. Она хотела отступить, но тело не послушалось. Стас тоже не двинулся.

— Доброе утро, Валерия Андреевна, — сказал он низко.

Лера сглотнула.

— Вы сегодня вовремя, Быстров. Это прогресс.

Стас слегка наклонил голову, не отводя глаз.

— Решил не опаздывать. Не хотел вас расстраивать.

Воздух между ними стал плотным. Лера чувствовала запах кожи и всё тот же лёгкий металлический оттенок бензина. Похоже, этот запах впитался ему под кожу и не зависел от того, что на нём надето.

— Я не расстраиваюсь, я анализирую и делаю выводы. Это разные вещи, — отчеканила она.

Стас прищурился:

— Но наверняка же есть вещи, которые вас расстраивают.

— Есть, — согласилась Лера, — но к работе они не имеют никакого отношения.

Она сделала шаг вперёд, собираясь пройти мимо и прервать этот странный диалог.

Стас открыл перед ней дверь, пропуская:
— Прошу.

На секунду их плечи соприкоснулись. Она ощутила тепло его тела даже сквозь ткань блузки.

Лера прошла в аудиторию, не глядя на него, и направилась к кафедре. Студенты уже сидели, поглядывая на часы. Разговоры стихли.

Впервые она опоздала. Всего на пару минут, но всё же.

Она положила папку, включила проектор и начала лекцию, не дожидаясь, пока Стас сядет.

— Сегодня тема лекции — «Моральная ответственность в условиях абсолютной свободы», — объявила она.

Стас прошёл между рядами и, как и в прошлый раз, сел в первом ряду — прямо напротив неё.

Лера старалась не смотреть в его сторону. Но каждое слово лекции теперь давалось с усилием. Она физически ощущала лёгкое напряжение в воздухе, которое невозможно бы-

ло игнорировать.

На середине лекции Стас снова поднял руку.
«Да чтоб тебя», — раздражённо подумала она.

В аудитории повисла напряжённая тишина.
— Что на этот раз, Быстров? — произнесла она сухо.

Стас смотрел ей прямо в глаза.

— Если свобода — это бремя, как вы говорите, то почему некоторые люди всё равно выбирают её, даже зная, что она может их уничтожить?

Лера почувствовала, как гнев на него разгорается сильнее, поднимаясь удушливой волной.

Она чуть ослабила ворот блузки, словно ей не хватало воздуха, и произнесла:

— Потому что некоторые люди путают свободу с безответственностью, Быстров. Они думают, что «жить по-своему» значит не подчиняться ничему. На самом деле это просто трусость под маской бунта.

Стас пристально следил за каждым её движением, подмечая каждую деталь.

— Или они просто устали притворяться, что им нравится жить по чужим правилам.

Лера сжала руки в кулаки так, что ногти впились в ладони.
— Это не свобода. Это саморазрушение. Скажите, Быстров, на других лекциях вы ведёте себя так же?

Стас слегка приподнял бровь:
— Как так же?

— Перебиваете преподавателя, мешаете вести занятие, отвлекаете группу и пытаетесь превратить лекцию в личный разговор. Мне продолжать?

Стас усмехнулся:
— Я просто пытаюсь найти истину. Может, я тоже стану великим философом?

Лера стиснула зубы и досчитала до трёх.
— Давайте мы обсудим это с вами после занятий, а сейчас, пожалуйста, не мешайте другим студентам.

Стас медленно кивнул.
— Как скажете, Валерия Андреевна.

Студенты начали перешёптываться. Кто-то осторожно поглядывал то на неё, то на Стаса, явно чувствуя, что между преподавателем и этим «проблемным» студентом происхо-

дит что-то необычное.

Когда лекция наконец закончилась, Лера почувствовала облегчение. Руки слегка дрожали. Она ненавидела себя за эту дрожь.

Стас не спешил уходить.

— Что вам нужно, Быстров? — устало вздохнула она, когда аудитория опустела и они остались одни. — Если у вас есть вопросы по материалу, задавайте.

В его глазах не было ни капли раскаяния.

— Я не про материал спрашивал. Я спрашивал про вас.

Лера подняла голову.

— Вы переходите все границы.

— Разве? — спокойно спросил он. — Вы же сами сказали, что свобода — это бремя. Так почему вы так боитесь его взять?

Лера замерла. Сердце билось так сильно, что она была уверена — он это слышит.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— Знаю достаточно, — ответил он. — Знаю, что вы при-

ходите ровно за минуту. Знаю, что никогда не опаздываете. Что помешаны на контроле. И знаю, что сейчас вы злитесь не на меня, а на себя. Потому что не можете просто сказать мне «заткнись и уйди».

Лера почувствовала, как внутри всё сжимается в тугую, болезненный узел. Она хотела ответить резко, уничтожающе, но слова застряли в горле. Потому что он был прав. Она действительно злилась на себя.

— Покиньте аудиторию, Быстров, — произнесла она наконец почти шёпотом. — Прямо сейчас. Иначе я буду вынуждена принять меры.

Стас сделал шаг назад, не отводя взгляда.

— Хорошо. Я уйду. Но мы с вами не закончили, Валерия Андреевна.

Он развернулся и вышел из кабинета.

Лера осталась. В голове крутились его слова, его взгляд, его запах.

Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. Она не понимала, чего он добивается, но знала, что не должна реагировать на его выпады.

Это просто студент. Один из многих. Я справлюсь. Как

всегда.

Лера открыла глаза, выпрямила спину и заставила себя выйти из аудитории.

10.

Её рабочий день был закончен, но Лера не спешила домой. Почему-то сегодня совсем не хотелось возвращаться в пустую квартиру.

Коридор третьего этажа уже почти опустел: только редкие студенты спешили на следующую пару, да уборщица медленно катила тележку с вёдрами.

Каблуки стучали по плитке, словно метроном. Она держала папку с конспектами обеими руками, словно это могло помочь сохранить привычную прямую осанку.

Она свернула за угол, направляясь в свой кабинет, когда услышала за спиной быстрые шаги. Кто-то шёл следом, не пытаясь догнать, но и не отставая. Лера не обернулась. Она уже знала, кто это.

— Валерия Андреевна.

Голос: низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой после долгого дня. Она остановилась у окна, где коридор расширялся в небольшой холл с автоматами для воды.

За окном серое апрельское небо нависло над кампусом,

а в стекле отражались размытые силуэты деревьев и её собственное бледное лицо.

Стас стоял в трёх шагах. Он снова переоделся. Кожаная куртка расстёгнута, шлем зажат под мышкой. Ссадина на скуле уже начала бледнеть, но всё ещё выделялась на коже. В отражении стекла Лера заметила, как он на мгновение задержал взгляд на её профиле, будто изучал.

Она тоже продолжала его разглядывать, не замечая, что пауза затянулась. Она гадала, что ему от неё нужно. Почему он буквально преследует её последние дни?

Медленно повернулась.

— У вас снова вопрос по лекции, Быстров? — наконец произнесла она.

— Вопросы не по лекции.

Он сделал шаг ближе. Лера почувствовала слабый запах — асфальта, бензина и кожи. Не резкий, но отчётливый. Как всегда, но сегодня к нему прибавились древесные нотки и едва уловимый аромат сандала.

Новый парфюм?

Это казалось странным, но ей понравилось это сочетание. Она ждала. Молча.

Стас переложил шлем в другую руку, провёл пальцами по его гладкой поверхности — жест, выдававший нервозность.

— Я хотел поговорить о вашем заключении на комиссии. Отчисление. Вы действительно считаете, что я безнадёжен?

— Я считаю, что правила существуют не для того, чтобы их игнорировали.

Он кивнул, будто ожидал именно такого ответа.

— А если я закрою все хвосты? Сдам всё, что должен. Без единой задолженности.

Лера слегка прищурилась.

— Это не изменит моего мнения о вашем отношении к учёбе. Вы уже получали второй шанс.

— Знаю. — Он посмотрел в окно, будто собираясь с мыслями, потом снова перевел взгляд на неё. — Но я не прошу милости. Я предлагаю сделку.

Слово «сделка» повисло между ними, тяжёлое и неправильное. Лера почувствовала, как внутри что-то натянулось, как тонкая струна. В холле тикали настенные часы — их мер-

ный стук лишь подчёркивал гнетущую тишину.

— Сделку? — повторила она холодно. — Вы студент, я преподаватель. Мы не заключаем сделок.

Стас не отвёл взгляд.

— Как вы можете судить меня, если не понимаете? Вы же понятия не имеете, что такое скорость, адреналин и драйв.

— Быстров, вы забываетесь, — Лера нервно поправила очки, будто пытаясь создать хоть какую-то дистанцию между ними. И развернулась к выходу.

Стас невольно схватил её за руку, пытаясь удержать.

— Дайте мне месяц. Если вы через месяц не измените своего решения, я отступлю. Вы даёте мне шанс, по-настоящему. А я... — Он помолчал, будто подбирал слова. — Я покажу вам, что такое настоящая жизнь. Не по учебнику.

Лера смотрела на него и чувствовала, как тепло от его ладони жгло кожу, а потом разливалось ниже, превращаясь в почти осязаемое давление где-то внутри.

Она вспомнила свой разговор с Машей: «Хочется почувствовать, чтобы сердце колотилось». Перед глазами всплыли белые стены её кухни, стакан воды в темноте — всё то, что

составляло её привычную, размеренную жизнь.

— Вы серьёзно? — спросила она тихо, почти шёпотом.

— Абсолютно. — Стас сделал паузу, и в его голосе впервые прозвучало что-то личное. — Вы единственная, кто смотрел на меня тогда, на комиссии, словно уже поставили на мне крест. Я хочу доказать вам, что это не так.

Лера замерла. Это было неожиданно — признание, почти уязвимость.

— Не надо мне ничего доказывать, Быстров. Вы должны делать что-либо в первую очередь для себя. Это ваша жизнь и ваше будущее.

— И всё же...

— Вы понимаете, что предлагаете? — Она попыталась вернуть себе хладнокровие, но голос невольно дрогнул.

— Понимаю. — Он слегка наклонил голову. — Но я видел, как вы смотрели на меня на комиссии и сегодня на лекции. Вы не просто ставите галочки в журнале. Вы... чувствуете что-то. Даже если не хотите этого признавать.

Он заметил, как она на мгновение замерла, словно его сло-

ва попали в цель, но уже в следующую секунду она снова взяла себя в руки.

— Нет, это исключено, — сказала она твёрдо, почти резко. — Я не буду участвовать в этом. Ни в сделке, ни в чём-то подобном. Если вы хотите остаться — сдавайте предметы как все. Без особых условий.

Стас смотрел на неё ещё несколько секунд. В его взгляде мелькнуло что-то вроде разочарования, но он быстро скрыл это.

— Хорошо. Я вас понял.

Он сделал шаг назад, повернулся и пошёл по коридору. Лера стояла неподвижно, пока его фигура не скрылась за поворотом. Только тогда она выдохнула и пошла к своему кабинету.

За окном дождь забарабанил по подоконнику, быстро, неровно, в такт её учатившемуся пульсу.

11.

Стас остановился на крыльце университета и, резко чиркнув зажигалкой, закурил.

Глубоко затянулся.

Никотин наполнил лёгкие вместе с сырым апрельским воздухом. Пальцы другой руки непроизвольно сжались в кулаки. Он злился — на себя, на Леру, на весь мир.

Её холодный взгляд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.